

Булгаков

Михаил Афанасьевич

1891 - 1940

Классики

за 30 минут

Класики за 30 минут

Булгаков за 30 минут

«Мельников И.В.»

Булгаков за 30 минут / «Мельников И.В.», — (Классики за 30 минут)

Серия «Классики за 30 минут» позволит Вам в кратчайшее время ознакомиться с классиками русской литературы и прочитать небольшой отрывок из самого представленного произведения. В доступной форме авторы пересказали наиболее значимые произведения классических авторов, обозначили сюжетную линию, уделили внимание наиболее важным моментам и показали характеры героев так, что вы сами примите решение о дальнейшем прочтении данных произведений, что сэкономит вам время, либо вы погрузитесь полностью в мир данного автора, открыв для себя новые краски в русской классической литературе. Для широкого круга читателей.

Содержание

Биографический очерк	5
Мастер и Маргарита	8
Глава 1. Никогда не разговаривайте с неизвестными	8
Глава 2. Понтий Пилат	10
Глава 3. Седьмое доказательство	11
Глава 4. Погоня	12
Глава 5. Было дело в Грибоедове	13
Глава 6. Шизофрения, как и было сказано	14
Глава 7. Нехорошая квартирка	15
Глава 8. Поединок между профессором и поэтом	16
Глава 9. Коровьевские штуки	17
Глава 10. Вести из Ялты	18
Глава 11. Раздвоение Ивана	19
Глава 12. Черная магия и ее разоблачение	20
Глава 13. Явление героя	21
Глава 14. Слава петуху!	22
Глава 15. Сон Никанора Ивановича	23
Глава 16. Казнь	24
Глава 17. Беспокойный день	25
Глава 18. Неудачливые визитеры	26
Глава 19. Маргарита	27
Глава 20. Крем Азazelло	28
Глава 21. Полет	29
Глава 22. При свечах	30
Глава 23. Великий бал у сатаны	31
Глава 24. Извлечение Мастера	32
Глава 25. Как прокуратор пытался спасти Иуду	33
Глава 26. Погребение	34
Глава 27. Конец квартиры № 50	35
Глава 28. Последние похождения Коровьева и Бегемота	36
Глава 29. Судьба Мастера и Маргариты определена	37
Глава 30. Пора! Пора!	38
Глава 31. На Воробьевых горах	39
Глава 32. Прощение и вечный приют	40
Эпилог	41
Собачье сердце	42
Роковые яйца	44
Глава 2. Цветной завиток	47
Глава 3. Персики поймал	50
Глава 4. Попадья Дроздова	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Булгаков за 30 минут

Биографический очерк

Великолепный русский писатель, драматург, режиссер и актер в театральных постановках, Михаил Афанасьевич Булгаков появился на свет 15 мая (3 мая по ст. стилю) 1891 года в Киеве на улице Воздвиженской, 28. Его отец – Афанасий Иванович был на протяжении почти всей его жизни доцентом, преподавателем Киевской духовной академии и лишь за несколько недель до кончины, стал ординарным профессором кафедры истории западных вероисповеданий. Мать – Варвара Михайловна (в девичестве – Покровская) была очень волевой и энергичной женщиной, занималась воспитанием детей и домохозяйством. А семья была многодетной, где помимо Михаила воспитывалось еще два сына (Николай и Иван) и четыре дочери (Вера, Надежда, Варвара и Елена). Все они – представители провинциального дворянского рода.

Несмотря на раннюю потерю отца, бывшего кормильцем семьи (Михаилу было 16, когда того не стало), мальчик получил замечательное образование. Сначала в Первой Александровской гимназии, в которой обучались дети русской интеллигенции, а преподавали зачастую профессора их университета. Затем, с 1909 года Михаил Афанасьевич становится студентом медицинского факультета Киевского университета. Решение о медицинской карьере было принято, вероятно, с учетом того, что оба брата матери – Николай и Михаил Покровские были успешными врачами и зарабатывали очень хорошие деньги. Сам Булгаков в 1916 году блестяще закончил университет, получив диплом с отличием.

1913 год ознаменовался для молодого Булгакова женитьбой на Татьяне Николаевне Лаппа, которая являлась дочерью управляющего Саратовской казенной палатой. Семейство жены относилось к столбовым дворянам, а это значит, что и запросы, и уровень жизни у них был значительно выше, чем у семьи Михаила. Но, по свидетельству биографов писателя, деньги не задерживались надолго в их доме: оба были молоды и не любили экономить. Михаил Афанасьевич мог легко истратить на такси последние деньги, любил и понимал музыку, посещал с женой театральные премьеры, бывал на концертах Шаляпина.

Начало Первой мировой войны в 1914 году круто изменило миллионы человеческих судеб, не стал исключением и молодой Булгаков. Как врач он отправился на работу в полевой госпиталь сначала в Каменец-Подольский, затем – в Череповцы. В это страшное военное время, когда русская армия терпела поражение, ему довелось увидеть тысячи изувеченных человеческих тел.

Сентябрь 1916 года стал для Булгакова своеобразным повышением по службе: его отозвали с фронта и направили заведующим в земскую Никольскую сельскую больницу в Сычевском уезде Смоленской губернии. А уже осенью 1917 года ему была предложена должность заведующего инфекционным и венерическим отделениями в Вяземской земской больнице. Именно этот период жизни был зафиксирован в рассказе «Записки молодого врача» (1926 г.). Согласно сохранившимся документам земской больницы, Булгаков был великолепным врачом, успешно выполнял сложные хирургические операции.

События февральской революции внесли свои коррективы в судьбу талантливого врача: он был освобожден со службы (был ратником ополчения II разряда) и, соответственно, с работы в земской больнице. После проведенной однажды операции, он опасался заболеть дифтерией, а потому начал принимать антидифтерийное лекарство, вызвавшее аллергическую реакцию. И для уменьшения последней, он начал принимать морфий. Вскоре эта привычка стала постоянной.

1917 год застал Булгакова в Москве, куда он впервые приехал в гости к дяде – известному врачу-гинекологу Н.М. Покровскому. Именно последний стал прообразом профессора Преображенского в повести «Собачье сердце».

Возвращение по весне 1918 года в Киев, стало началом его частной практики как врача-венеролога и тогда же он прекратил прием опиума. Однако всего через несколько месяцев город был оккупирован германскими войсками и писатель не смог оставаться в стороне от гражданской войны.

Февраль 1919 года ознаменовался для М. Булгакова мобилизацией в качестве военного врача в армию Украинской Народной Республики. После, согласно его воспоминаниям, оказался мобилизованным в белые Вооруженные силы Юга России, где был назначен военным врачом 3-го Терского казачьего полка. В том же году писатель недолго работал врачом Красного креста, а затем – вновь в белых Вооруженных Силах Юга России. В составе 3-го Терского казачьего полка был на Северном Кавказе.

Тогда же начал писать для местных газет (статья «Грядущие перспективы»). Во время отступления Добровольческой армии в начале 1920 года был болен тифом, поэтому вынужденно не покинул страну. После выздоровления, во Владикавказе, появились его первые драматургические опыты. В конце 1919 – начале 1920 годов он покинул ряды деникинской армии и, по его собственному признанию, навсегда оставил медицину ради писательства. Упомянутые выше пьесы он сочинял для Первого советского театра Владикавказа, но это была еще только «проба пера» и настоящий драматургический гений Булгакова в агитках-однодневках не проявился.

Финансовый успех в результате блестящей постановки «Сыновей муллы», позволил Булгакову переехать в Тифлис, где драматург мог бы заявить о себе в полный голос. События, пережитые во Владикавказе нашли свое отражение в романе «Белая гвардия», рассказах: «Необыкновенные приключения доктора» и «В ночь на 3-е число», повести «Записки на манжетах». И в Тифлисе, и в Батуми у писателя была перспектива эмигрировать, но он остался верен себе и как настоящий русский писатель остался на родине, перебравшись в сентябре 1921 года в Москву.

В столице Булгаков сочинял фельетоны для таких газет как: «Гудок», «Рабочий»; журналов: «Россия», «Возрождение», «Медицинский работник», «Красный журнал для всех». Тогда же увидели свет его произведения в газете «Накануне», издававшейся в Берлине. Суммарно за период с 1922 по 1926 годы в газете «Гудок» было опубликовано более 120 различных литературных заданий писателя: очерки, репортажи, фельетоны и пр.

Начиная с 1923 года Михаил Афанасьевич являлся членом Всероссийского Союза писателей. А в следующем 1924 году встретил Любовь Евгеньевну Белозерскую, ставшую в последствии его второй супругой.

Октябрь 1926 года ознаменовался грандиозным успехом пьесы «Дни Турбиных», ставившейся во МХАТе. Изначально разрешенная только на год, постановка позже продлевалась несколько раз. Сам И.Сталин был в восторге от нее и посмотрел пьесу 14 раз, хотя и называл ее «антисоветской штукой». Несмотря на несомненный успех, ни один другой театр не обладал разрешением ставить эту пьесу.

Как это часто бывает с талантливыми людьми, пресса того времени была беспощадна к писателю, его критиковали практически все: Маяковский, Авербах, Керженцев и др. Тем не менее, в октябре 1926 года также с оглушительным успехом в Театре им. Вахтангова был поставлен спектакль по пьесе Булгакова «Зойкина квартира».

Свой небольшой отпуск в 1928 году Михаил Афанасьевич с супругой провели на Кавказе, побывали в Тифлисе, Батуми, Зеленом Мысе, Владикавказе. Тогда же появился творческий замысел «Мастера и Маргариты», кроме того, он приступил к работе над пьесой

«Кабала святош», посвященную Мольеру. А в Москве состоялась премьера пьесы «Багровый остров».

1929 год ознаменовался для писателя знакомством с Еленой Сергеевной Шиловской, ставшей в 1932 году его третьей супругой.

Внезапно, к 1930 году Булгаков впал в немилость: его пьесы начали изымать из репертуара театров, перестали публиковать произведения, особенно ожесточенно ругали критики. Сильно пошатнулось его материальное положение, которое в итоге и вынудило Михаила Афанасьевича написать открытое письмо, адресованное И. Сталину с просьбой позволить либо навсегда покинуть страну, либо нормально продолжать работать во МХАТе. Ответом стало предложение присоединиться к сотрудникам этого театра.

В 1930 году некоторое время работал режиссером в Центральном театре рабочей молодежи (ТРАМ), затем – до 1936 года выполнял обязанности режиссера-ассистента во МХАТе. К слову, в 1932 году на сцене этого театра была поставлена пьеса «Мертвые души» Н.В. Гоголя в авторской переработке Булгакова. Выехать за границу так и не получилось – в 1934 году в этом писателю было отказано на оба прошения, зато, он стал членом Союза советских писателей. А 1935 год стал знаменательным для Михаила Афанасьевича в виду его дебюта в роли актера на сцене МХАТовского театра – он был судьей в спектакле «Пиквикский клуб» Ч. Диккенса. Именно по мотивам работы в коллективе этого знаменитого театра позже было написано произведение «Записки покойника». Прообразами для которого выступили сами сотрудники театра.

В 1936 году после долгих лет репетиций состоялась премьера спектакля «Кабала святош» или «Мольер», но спустя семь лет она была запрещена и снята с репертуара. Разгромная статья, опубликованная в «Правде» по поводу этой пьесы, вынудила Михаила Афанасьевича вообще покинуть МХАТ.

Он перешел в Большой театр, где занимал должность либреттиста и переводчика. Там он познакомился и подружился с Исааком Дунаевским. Является автором либретто «Минин и Пожарский» и «Петр I». В 1939 году Булгаков трудился над пьесой «Батум» (посвященной И. Сталину) и либретто «Рашель», но в самый последний момент вождь пролетариата передумал давать добро на эту постановку и «Батум» был запрещен.

Эта неудача серьезно сказалась на здоровье М.А. Булгакова. Потеря зрения, как позже установили врачи, была вызвана гипертоническим нефросклерозом, бывшим наследственным (от этой болезни скончался отец писателя). Он вновь начал принимать морфий для снятия болевого синдрома. Тогда же, словно предчувствуя неладное, Михаил Афанасьевич стал диктовать супруге окончательный вариант «Мастера и Маргариты».

Февраль 1940 года стал настоящим испытанием как для самого М.А. Булгакова, так и для его родных и друзей – они не отходили от постели больного. Но схватка с болезнью была проиграна и 10 марта 1940 года величайшего писателя, драматурга и режиссера не стало.

На следующий день 11 марта состоялась гражданская панихида в доме Союза Советских писателей. А московский скульптор С.Д. Меркуров сделал с лица покойного посмертную маску.

Похоронен классик русской и мировой литературы на Новодевичьем кладбище, а на его могиле установлен огромный камень, прозванный «голгофой», который когда-то лежал на могиле Н.В. Гоголя – на этом настояла вдова М.А. Булгакова.

По иронии судьбы, знаменитый роман «Мастер и Маргарита» увидел свет лишь спустя двадцать шесть лет после смерти Михаила Афанасьевича Булгакова и прославил его на весь мир. Примерно та же участь ожидала и роман «Записки покойника», и ряд других произведений автора – все они нашли своего читателя, когда сам Михаил Афанасьевич был уже в лучшем из миров.

Мастер и Маргарита

Глава 1. Никогда не разговаривайте с неизвестными

Весной во время непривычно жаркого заката, в Москве на Патриарших прудах появляются два человека. Один – невысок ростом, откормлен, лыс, одет в летнюю серую пару, на его лице огромных размеров очки в черной роговой оправе, а шляпа пирожком помещается в руке. Второй – рыжий, широкоплечий, вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке, одет в ковбойку, жеванные белые брюки и черные тапочки. Первого персонажа зовут Михаил Александрович Берлиоз – председатель правления крупной московской литературной ассоциации (МАССОЛИТ) и редактор увесистого художественного журнала. Второй – Иван Николаевич Понырев, поэт, печатающийся под псевдонимом Бездомный.

Примечательно, что несмотря на необыкновенно жаркий вечер, никто из прохожих не прохладился под липами на аллее, параллельной Малой Бронной улице, никто не покупал прохладительные напитки – вся улица была совершенно пустынна.

Оба литературных работника, напившись теплой абрикосовой воды, присели на лавочку лицом к пруду. Внезапно, Берлиоз почувствовал себя нехорошо, безотчетный страх сковал его душу, но тот решил, что просто переутомился и отдых в Кисловодске все исправит. Однако в этот же момент из сгустившегося знойного воздуха внезапно материализовался прозрачный гражданин в жокейском картузике и кургузом воздушном пиджачке. Был он очень высок и худ до неприличия, с глумливым выражением лица. Не веря своим глазам, Берлиоз в ужасе зажмурился, а когда открыл глаза, странное клетчатое видение и впрямь исчезло. Придя в себя, он радостно вернулся к прерванному разговору с Бездомным.

Выясняется, что Берлиоз заказал поэту написать для новой книжки журнала большую антирелигиозную поэму и последний ее даже написал, но редактору она не понравилась. Основное недовольство выражалось в реалистичности образа Иисуса Христа в поэме – он хоть и очерненный мрачными красками, но был как живой. А Берлиоз настаивал на том, что Иисуса Христа не существует вовсе, всё это вранье, вранье и все рассказы о нем. В качестве доказательства редактор приводил известных ученых мужей прошлого, ни один из которых никак и никогда не упоминали Христа.

Увлечшись рассказом о невозможности существования Иисуса Христа, Берлиоз забрался в такие дебри истории, что не заметил появления на аллее первого и пока единственного прохожего. По поводу внешности его не было однозначных сведений. Так, одно учреждение позже описывало его в своих сводках как маленького человека с золотыми зубами и хромого на правую ногу, другому почудился человек небывало высокого роста, с платиновыми коронками и хромающий на левую ногу, а третье заявило, что примет у него никаких не было вовсе.

К действительности ни одно из этих описаний отношения не имело, поскольку был человек просто высок ростом, не хроمال вовсе, а недоразумение с зубами оказалось вызвано тем, что слева у него были платиновые коронки, а справа – золотые. Одет он был в дорогой серый костюм, модные серые туфли, в сером же берете, лихо заломленном за ухо, брюнет, с глазами разного цвета: правый – черный, а левый-зеленый, с черными же бровями и тростью с набалдашником в виде головы пуделя – словом, все в нем выдавало иностранца.

Неожиданно иностранец присоединился к двум литераторам и поддержал их беседу на русском языке с небольшим акцентом. Он пришел в совершенный восторг от того, что оба были атеистами, но поинтересовался у них тем, кто же управляет всем миром, если Бога нет,

а человек смертен и подвержен всяким случайностям. Загадочный субъект сообщает Берлиозу каким образом тот умрет и оказывается, что это не только должно произойти уже достаточно скоро, но к этому ведет цепь событий, ни одно из которых не является случайным. В частности, комсомолка Аннушка уже купила и разлила масло, хотя Берлиозу это ни о чем и не говорит. Странный профессор может слышать их мысли, представляется профессором черной магии и неожиданно заявляет, что Иисус Христос на самом деле существовал.

Глава 2. Понтий Пилат

Ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытой колоннаде дворца ирода великого в городе Ершалаим появляется прокуратор Иудеи Понтий Пилат. Он не в духе от того, что ему везде мерещится безобразный запах розового масла от которого его мучит болезнь гемикrania – ужасно болит полголовы. Прокуратор, стараясь не шевелить головой усаживается в свое кресло у фонтана для того, чтобы судить очередного подсудимого.

Легионеры приводят молодого человека, лет двадцати семи в стареньком голубом хитоне с белой повязкой на голове, закрепленной кожаным ремешком. Руки его связаны за спиной, под левым глазом – синяк, а в уголке рта – запекшаяся кровь.

По-прежнему, стараясь не шевелить головой, Понтий Пилат начинает его опрашивать. Оказывается, что пленника зовут Иешуа, он из Гамалы и никого не подбивал на разрушение храма, в чем его обвиняют. Рассказывает, как сборщик податей Левий Матвей после разговора с ним бросил свое занятие и присоединился в странствиях к арестанту. Путаница возникла из-за того, что Иешуа предсказывает приход новой истинной веры, взамен старой. Он знает, что у Понтия Пилата ужасно болит голова и убирает эту боль, рассказывая попутно о его жизни, советует чаще гулять на свежем воздухе и больше верить людям. Говорит на многих языках. Очень добрый сам и уверен, что все остальные люди тоже добры по своей сути.

После разговора с арестантом, Понтий Пилат, до этого собиравшийся его помиловать и заключить в тюрьму, внезапно передумал и подписал несчастному смертный приговор, запретив кому-либо из стражи с ним разговаривать. В результате беседы прокуратора с исполняющим обязанности президента Синедриона первосвященником иудейским Иосифом Каифа, было решено, что Вар-Раввана следует освободить от смертной казни, хотя он и более опасный преступник, а Га-Ноцри (Иешуа) – казнить. Связано это с тем, что по обычаю в день Пасхи одному преступнику даруют жизнь. На площади собралась огромная толпа из зевак, все с нетерпением ожидали казни, а сам Понтий старался не смотреть в сторону осужденных. Часы показывали около десяти часов утра.

Глава 3. Седьмое доказательство

Тем временем, события вновь переносятся к беседе с литераторами, которым профессор рассказывал про Понтия Пилата. Его фраза о том, что он сам лично там присутствовал, убедила и Берлиоза, и Бездомного в его совершенном безумии.

Безумный, по мнению товарищей, профессор сообщает, что и Дьявол существует на самом деле. Но те уже не обращают особого внимания на его слова. Тогда он говорит, что готов предоставить последнее седьмое доказательство существования Бога. А Берлиоз бежит звонить в бюро иностранцев, чтобы они явились и забрали своего сумасшедшего товарища. Поэт остается с профессором. А Берлиоз попадает под трамвай и ему, как и было предсказано, отрезает голову.

Глава 4. Погоня

Поэт находился в совершенном ужасе от гибели Берлиоза и собирался предать профессора правосудию, но тот мгновенно притворился, что ни слова не понимает по-русски и в сопровождении гражданина в клетчатом одеянии, прежде повидевшемся покойному, и огромного черного кота ловко скрылись от него. Бездомный отважно пытался догнать беглецов, даже ворвался в чужую квартиру, где зачем-то украл венчальную свечу и бумажную икону и искупался в Москве-реке, оставив одежду у прохожего, но после купания не нашел ни прохожего, ни одежды и в одних кальсонах отправился по всей Москве. Поскольку прохожие с удивлением оборачивались на него, он решил идти мелкими, темными улочками, постоянно отовсюду слыша полонез из оперы «Евгений Онегин».

Глава 5. Было дело в Грибоедове

В это время в доме Грибоедова, где располагался сам МАССОЛИТ, уже собрались двенадцать литераторов на собрание, председательствовать на котором должен был погибший Михаил Александрович. Так и не дождавшись его, они спустились в знаменитый ресторан ужинать и веселиться. В разгар веселья пронеслось известие о гибели Берлиоза и все сразу смолкло. А Желдыбин, присутствовавший в морге от имени больной супруги Берлиоза, экстренно созвал всех литераторов на срочное совещание по поводу грядущих похорон.

Тем временем, внизу появилось то, что сначала все приняли за привидение, но оказавшееся Иваном Николаевичем Бездомным – тем самым поэтом, который присутствовал при гибели Берлиоза и разгуливал по Москве в одних кальсонах и разорванной толстовке, с иконой и свечей. Вид и поведение его было совершенно безумным. Поэтому все решили, что сошел с ума, связали и отправили его в психиатрическую клинику.

Глава 6. Шизофрения, как и было сказано

В психиатрической клинике несчастный Иван Бездомный пытался рассказать доктору, что произошло, свидетелем каких событий он стал, но ему никто не поверил. Врач, как и предсказывал иностранный профессор тогда на Патриарших прудах, констатировал шизофрению.

Сопротивлявшегося поэта насильно связали и оставили в психушке. Поэт Рюхин, который сопровождал друга в лечебницу, решил, что предал того и сам почувствовал себя очень мерзко.

Глава 7. Нехорошая квартирка

Степан Лиходеев – директор варьете приходит в себя, лежа на большой кровати в своей квартире на улице Садовой. Ему очень плохо и он с трудом понимает, где вообще находится. Сама квартира № 50 славится дурной репутацией в виду того, что из нее бесследно исчезали люди.

Так, сгинули в неизвестном направлении все предыдущие жильцы странной квартиры и она долго была опечатанной. До тех пор, пока в нее не въехали Берлиоз с женой и Лиходеев тоже с женой – они снимали квартиру пополам. Вскоре супруги обоих попали, но не бесследно, их вроде бы кто-то где-то видел потом, но очень далеко от этого места.

Наконец, Лиходеев собирается с силами и пытается встать. В трюмо он видит себя в весьма плачевном состоянии: грязная сорочка, заплывшие глаза, черная щетина на опухшем лице. Рядом с ним в трюмо отражался человек во всем черном и в черном же берете.

Незнакомец с легким акцентом сообщает, что явился по приглашению самого Лиходеева, предлагает тому подкрепиться горячей и острой закуской и выпить еще водки. Мгновенно в спальне директора варьете появляются и водка, и закуска. Он потихоньку вспоминает вчерашний день, но все еще не понимает кто этот господин. Тогда тот сам представляется профессором черной магии Воландом. Напоминает Лиходееву в деталях прошедший вечер и что он вчера заключил с ним контракт на выступления в Варьете и даже заплатил аванс. Сам директор не помнит ничего подобного.

Отлучившись позвонить, он видит в запыленном отражении зеркала того самого высокого странного господина со странной гримасой и жирного черного кота. Бедный директор считает, что сходит с ума. Пытается позвать домработницу Груню, но выясняется, что Воланд отослал ее домой в Воронеж. В комнате директор видит всех троих уже вполне материально, а огромный кот пьет водку и закусывает грибами. Из зеркала внезапно выходит рыжий безобразный маленький персонаж с очень широкими плечами и торчащим зубом. Все вместе они начинают ругать Лиходеева, что тот все в жизни делал не правильно, и вообще очень плохой человек. Степан падает на пол, думая, что умирает.

Но он не умирает и приходит в себя на полу каменного мола на берегу моря. Выясняется, что красивый город за его спиной – Ялта и в конец обескураженный Лиходеев поваливается набок.

Глава 8. Поединок между профессором и поэтом

Тем временем, Иван Николаевич Бездомный приходит в себя в психиатрической больнице. Принимает ванну, проходит обследование, завтракает и к нему в палату является доктор Стравинский в сопровождении целой свиты из других врачей.

Поэт решил ничего им не рассказывать, особенно, о Понтии Пилате. Он замкнулся в себе и на все вопросы отвечал крайне неохотно. Но потом неожиданно передумал и рассказал профессору Стравинскому все детали вчерашнего происшествия на Патриарших прудах, включая Понтия Пилата. Умный врач его вежливо выслушал и объяснил, что в этот рассказ сложно поверить, поэтому Ивану следует задержаться в лечебнице и полностью успокоиться.

Глава 9. Коровьевские штуки

Известие о гибели Берлиоза моментально разлетелось по всему дому, в котором находилась квартира покойного и на нее сразу начали претендовать другие жильцы, осаждая председателя жилищного товарищества дома номер 302-бис на Садовой улице. Звали его Никанор Иванович Босой.

Кое-как отбившись от толпы претендентов на квартиру № 50, он решает сам туда зайти. Поднимается на нужный этаж, звонит, но ему не открывают и отпирает дверь своим ключом. Срывает печать с двери кабинета и в изумлении обнаруживает там уже знакомого читателю высокого тощего господина в клетчатом пиджачке и ковбойской шапочке, с пенсне на носу. Он представляется Коровьевым и говорит, что является переводчиком иностранного господина, который живет в этой квартире.

Изумленному Босому Коровьев сообщает, что Степан Лиходеев сам пригласил иностранного артиста Воланда выступить в Варьете и позволил тому пожить примерно неделю в его квартире, пока он сам съездит в Ялту. И письмо об этом находится в портфеле у председателя. Затем странный тип в клетчатом попросил у собеседника разрешение занять обе половины квартиры, обещая за это щедрую плату. Босой соглашается и Коровьев немедленно составляет контракт и отдает тому пять тысяч рублей за неделю жизни в квартире.

Но Воланду председатель не понравился и с помощью Коровьева они его подставили в получении взятки, за что последний был арестован.

Глава 10. Вести из Ялты

Финансовый директор варьете Римский уговаривает Варенуху снова попробовать дозвониться до Лиходеева, но того нигде нет. Они с удовольствием рассматривают афиши с заявленным артистом Воландом.

Тут к ним заходит женщина-посыльный и приносит срочное сообщение от уголовного розыска города Ялты, который просит подтвердить личность человека, называющего себя Лиходеевым. Римский и Варенуха очень удивлены, ведь Степан в Москве. Через несколько минут та же самая женщина приносит другое послание в котором сам Лиходеев говорит, что его под гипнозом Воланд отправил в Ялту. Финансовый директор и Варенуха вообще ничего не понимают. Вновь та же самая женщина приносит фотографию почерка Степана с его просьбой принять это как доказательство, что он это он и сообщить об этом в уголовный розыск. Невероятной является скорость, с которой Лиходеев оказался в той Ялте, ведь невозможно это сделать так быстро.

Варенуха позвонил в квартиру Лиходеева и ему ответил Коровьев с сообщением о том, что Степан просто уехал за город. Через минуту опять та же самая женщина приносит телеграмму, в которой Лиходеев сообщает, что завтра выезжает в Москву. Ни Римский, ни Варенуха по-прежнему ничего понять не могут.

Римский отправляет Варенуху вместе со всеми телеграммами отвезти их куда следует, чтобы там разобрались со всей этой историей. Но последнему звонят и запрещают вообще кому-либо показывать эти документы. Он не слушает и преисполнен решимости доставить документы куда нужно. Выбегает на улицу, но в подворотне его настигают бандиты: рыжий, широкоплечий и толстый с кошачьими повадками. Они его жестоко избивают и уносят с собой на квартиру Лиходеева, где Иван Савельевич Варенуха теряет чувства. Начинается сильная гроза с ливнем.

Глава 11. Раздвоение Ивана

Иван Бездомный пытается в своей больничной палате сочинить заявление в милицию по поводу всего произошедшего, но у него ничего не выходит. Рассказ слишком не правдоподобен. Он боится, что его и впрямь примут за сумасшедшего. Поэтому пока за окном бушует гроза, сидит и тихо плачет.

Пришла фельдчерица, собрала разметавшиеся по полу листки с сочинением Ивана и унесла их врачу. Тот явился, сделал поэту укол и все сразу успокоилось. Бездомный заснул, а проснувшись стал размышлять, что в общем-то ничего страшного не произошло и не следовало так из-за этого переживать. Нужно гораздо проще смотреть на эту ситуацию, хотя она и странная во многом.

Только несчастный Иван успокоился, как на балконе его палаты появился мужской силуэт.

Глава 12. Черная магия и ее разоблачение

Римский сидит у себя в кабинете. Он не в духе из-за таинственного исчезновения администратора Варенухи. Сначала Лиходеев, потом этот – все они куда-то подевались. Объявляют антракт и к финдиректору приходит курьер с сообщением о прибытии иностранного артиста Воланда. Римского передергивает и он отправляется сам встречать гостя.

Начинается представление и Воланд констатирует Коровьеву-Фаготу, что Москва сильно изменилась за много веков, как изменились и люди, но изменились ли они изнутри? Ответом на это стала констатация того, что все по-прежнему очень любят деньги. На сцене Фагот и кот Бегемот выделявали всяческие невероятные фокусы, а Воланд потихоньку удрал, но этого никто даже не заметил.

Когда же гражданин Семплеяровский Аркадий Аполлонович потребовал у артистов разоблачения их фокусов, чтобы публика поняла, что никакой черной магии не существует, Фагот разоблачил самого гражданина в его связи с хорошенькой актрисой. Начался шум, гвалт и в целом все закончилось огромным столпотворением. Артисты же, бесследно исчезли со сцены.

Глава 13. Явление героя

Загадочным гостем Ивана оказался чисто выбритый, темноволосый человек лет тридцати восьми с острым носом и локоном волос, спадавшим на лоб. Он рассказал о новом больном, который все время клянется, что у него нет и не было никакой валюты (речь идет о председателе жилищного кооператива Босом) и вызывает у поэта такое расположение, что тот рассказывает ему как на духу всю историю, случившуюся на Патриарших прудах, включая Понтия Пилата.

Этот человек говорит Ивану, что тогда вместе с Берлиозом они встретили самого сатану. Сам гость представляется Мастером и показывает черную шапочку с вышитой желтым буквой «М». Признается, что отказался и от своей фамилии и вообще от всего в этой жизни. Оказывается, что он историк по образованию и совсем недавно работал в музее. Жил скромно и одиноко, друзей и знакомых было мало. Владеет пятью языками. Но однажды вдруг выиграл сто тысяч рублей. На эти деньги он накопил разных книг, снял другое жилье, ушел с работы и начал писать роман о Понтии Пилате.

Так он и жил и все его устраивало, пока однажды он не встретил весной прекрасную девушку с печальными глазами, которая несла в руках ужасные желтые цветы. Эти цветы сильно выделялись на ее черном пальто и потому так запомнились. Едва заговорив с ней, он понял, что всегда любил эту женщину, а она любила его. Они начали встречаться, она бывала в его доме каждый день. Когда роман был готов, редактор отказался его печатать. Но другой редактор опубликовал большую часть из этого романа и началась небывалая травля, критика произведения, связанная с упоминанием об Иисусе Христе, когда всем известно, что это все выдумки.

Оказалось, что после завершения романа о Понтии Пилате, молодым людям стало скучно друг с другом, они стали видеться реже, она часто гуляла, а у него появился друг, хотя он крайне туго сходитесь с людьми. Друга звали Алоизий Могарыч. И он был очень умен, но совершенно не понравился его девушке. Постепенно сам Мастер понял, что заболевает, его начали мучать страхи и кошмары, видения, он не засыпал без света. В конце концов, однажды он сжигает в печи свой роман. Но неожиданно является его возлюбленная, которая достает из печи полусгоревшие листы с тем, чтобы их потом восстановить.

Девушка собирается оставить своего мужа ради Мастера, обещает с супругом утром объясниться и навсегда поселиться с возлюбленным. Но с тех пор Мастер ее больше не видел. Потом он оказался в сумасшедшем доме.

Глава 14. Слава петуху!

Финдиректор Римский спрятался от всех в своем кабинете. На улице улюлюкала толпа, слышались милицейские сирены и хохот прохожих. Оказалось, что на мостовой были две женщины в одном нижнем белье и с зонтиками в руках – их платья исчезли, поскольку все фокусы, показанные странными и безобразными артистами были обманом.

Нервы Римского были на взводе и в момент, когда он остался совершенно один в театре, собираясь идти домой, неожиданно дверь своим ключом открыл Варенуха. Радость от того, что хоть кто-то нашелся, быстро сменилась подозрением в подвохе. Потом полным неверием ни единому слову администратора и уверенностью в том, что тот изменился до неузнаваемости. В конце концов, обман был раскрыт и это действительно был не Варенуха. Кроме того, началось невообразимое: в форточку к нему пыталась пробраться голая рыжая девица, издававшая нечленораздельные звуки, с трупными пятнами по всему телу и зеленым цветом кожи. Она все приближалась к Римскому, и когда практически уже его достала, раздался спасительный крик петуха. Это его и спасло. Оба призрака покинули кабинет финдиректора.

Совершенно седой, он выбежал на улицу и на такси помчался на вокзал, чтобы успеть на курьерский ленинградский поезд.

Глава 15. Сон Никанора Ивановича

Никанор Иванович Босой после обвинения в хранении валюты дома, был доставлен для разбирательства в какое-то место, какое он точно сам назвать не мог. Там с ним пытались поговорить, но безуспешно, он нес какую-то чушь и был буйным, ему везде Коровьев мерещился.

Потом его доставили к профессору Стравинскому в психушку. Там он вел себя настолько буйно, что ему сделали укол и он заснул. Сон его был беспокойным и все время снились кошмары про то, что от него требовали сдать валюту. А он пытался всем доказать, что никакой валюты у него нет.

Он кричал и стонал во сне, пока фельдчица Прасковья Федоровна не сделала ему успокоительный укол. Наконец, он заснул. Но его переживания разлетелись по всей больнице и навестили пациента в 120-й комнате, который пытался найти свою голову (конференсье, у которого Фагот и кот Бегемот в Варьете на потеху публики оторвали голову), тревожно стало в 118-й комнате неизвестному Мастеру, а от него тревога по балкону пробралась к Ивану, который проснулся и заплакал.

Но врач быстро всех успокоил. Последним утомился Иван и ему начал сниться сон о казни.

Глава 16. Казнь

Лысая гора была оцеплена двойным оцеплением и солнце постепенно клонилось к закату. В сопровождении колонны из пехоты и кавалерии, кентурионов и военачальников, глашатаев и огромной людской толпы, пленники и их палачи взобрались на Лысую гору.

Солнце безжалостно припекало, жара стояла невыносимая и толпа, решив, что в самой казни нет ничего интересного, отправилась обратно в Ершалаим готовиться к пасхе.

Единственным человеком оставшимся под палящим зноем на Лысой горе оказался Левий Матвей. Сначала он пытался пробраться поближе к приговоренным разбойникам, но его грубо оттолкнули и ему ничего не оставалось, как примириться с тем, что наблюдать казнь издалека. Сильнейшие душевные переживания переполняли его душу. Он жестоко ругал себя за то, что позволил Иешуа одному идти в Ершалаим и чувствовал теперь себя виновным в том, что произошло.

Левий Матвей умолял Бога послать для друга скорейшую смерть, чтобы тот не мучался долго. Собирался даже сам убить Иешуа, только чтобы его не подвергали пыткам. Но спасительной смерти для друга так и не наступало и тогда горячий Левий Матвей начал проклинать Бога, заявлять, что больше не верит ему, раз он никак не может помочь Иешуа. Так он кричал и горячился, пока внезапно не почувствовал холодок и не понял, что приближается сильная гроза.

Гестас на своем столбе быстро сошел с ума и пел какую-то не понятную песенку про виноград. Дисмас был в сознании, все понимал и ему было тяжелее всех. Иешуа был счастлив от того, что почти сразу провалился в забытие. К ним поочередно подходил палач со смоченной в воде губкой на краю копья, предлагая напиться. Преступники пили и после этого их убивали. Но Иешуа только немного ранили, а не убили. Разразилась страшная гроза и солдаты кинулись прочь с Лысой горы обратно в Ершалаим. В это время Левий Матвей добрался до распятых и перерезал на них веревки. Тела Гестаса и Дисмаса так и остались там, а тело Иешуа он забрал с собой.

Глава 17. Беспокойный день

На следующий день после сеанса черной магии в Варьете, около его стен скопилась многотысячная очередь из желающих попасть на представление о котором ходили самые разнообразные небылицы. После загадочного исчезновения всего руководства, за главного остался скромный бухгалтер Василий Степанович Ласточкин.

В самом варьете творился форменный дурдом, никто не знал куда подевались Римский, Лиходеев и Варенуха и найти их нигде не могли. Мало того, никто толком не мог вспомнить, что за артисты выступали, как их зовут, кто они и где контракт с ними. Приехала милиция, затем и следствие с собакой. Но разобраться с тем, что же произошло не смогли и они. Варьете было временно закрыто и в нем оставили только дежурных.

А бухгалтеру следовало съездить в комиссию зрелищ и увеселений облегченного типа для того, чтобы предоставить им доклад о событиях вчерашнего вечера и отвезти выручку за прошедший вечер в размере 21711 рублей в финзрелищный сектор.

Явившись в эту самую комиссию, Ласточкин застаёт там ужасный хаос, все бегает, плачут и суетятся. Вызвано это было тем, что от председателя комиссии – Прохора Петровича остался лишь один пиджак, кото́пый самостоятельно сидел у себя за столом и работал. Голос председателя тоже раздавался, но ни головы, ни шеи видно не было.

В финзрелищном секторе тоже царил какой-то кошмар: весь филиал дружно пел песни. Причем, хотели они этого или нет, их рты сами раскрывались в песне. Допев одну песню, принимались за следующую. Явился врач и милиционер. Первый всем давал валерьянку, но она не помогала и через 10 минут дружное пение снова начиналось. Приехали три грузовика и в них погрузили весь коллектив филиала вместе с заведующим. Едва выехав за ворота все три грузовика разразились дружной песней и поехали в клинику профессора Стравинского.

Желая избавиться поскорее от казенных денег, бухгалтер подошел к одному из окошек принимающей кассы. Заполнил необходимую бумажку и заглянул в газету, куда были завернуты деньги. К своему ужасу и удивлению он увидел, что там разнообразная валюта. Его сразу арестовали.

Глава 18. Неудачливые визитеры

В Москву на похороны племянника приезжает дядя Берлиоза – Максимилиан Андреевич Поплавский, который считался одним из умнейших людей в Киеве. Он получил странную телеграмму, в которой его племянник как-бы приглашал дядю на собственные похороны. И несмотря на то, что племянника было очень жаль, гораздо больше дядю интересовала квартира последнего, ведь ему давно хотелось перебраться из Киева в Москву.

Поплавский решил во что бы то ни стало прописаться для начала в квартире погибшего племянника. Для этого он отправляется к председателю жилищного кооператива, но не застаёт его, конечно. Самостоятельно поднимается в злополучную квартиру № 50 на улице Садовой, где ему не понятно кто открывает дверь и в самой квартире никого, кроме огромного жирного черного кота нет. Но вскоре там появляется вся шайка разбойников, включая Коровьева и рыжего плечистого с выпирающим зубом. Они бьют дядю Берлиоза, выгоняют из квартиры и велят даже не мечтать о ней.

Точно так же они спроваживают буфетчика Фокина, предсказывая тому гибель через девять месяцев. В ужасе он бежит к профессору Кузьмину, который не обнаруживает никаких признаков страшного заболевания. Но фантазмагория начинается у самого профессора. Он едва не сходит с ума.

Глава 19. Маргарита

Возлюбленную Мастера звали Маргарита Николаевна, она красива и умна. Замужем за богатым, красивым и добрым человеком, который ее очень любит. Детей нет. Сама же она так же искренне любит Мастера. Они живут с мужем на верхнем этаже прекрасного особняка. Но счастливой она себя не ощущает, ей не нужен никто, кроме Мастера.

В тоске по любимому она прожила всю зиму и однажды весной проснулась с осознанием того, что что-то должно произойти, согласно сна: либо она скоро умрет и воссоединится в Мастером, либо скоро непременно встретит его.

Когда муж уехал в командировку на три дня, Маргарита отправилась в самую дальнюю комнату дома, где осторожно извлекла на свет божий фотографию Мастера, банковскую книжку с десятью тысячами на его имя, засохшую розу, обернутую папиросной бумагой и тетрадь с зелеными листками и подгоревшим низом, всю исписанную сожженным романом о Понтии Пилате. Насмотревшись на это вдоволь, она затем все убрала на прежнее место и отправилась гулять.

Ее домработница Наташа рассказала хозяйке о невероятных фокусах, которые устраивали накануне в варьете, но она была о них наслышана и не особенно верила им.

На прогулке Маргарита вернулась на то самое место, где она когда-то встретилась с Мастером, сидела на лавочке и размышляла, и вспоминала. Странное предчувствие не покидало ее. Мимо нее прошли странные похороны. Она подумала о том, что готова была бы заложить дьяволу душу за то, чтобы только узнать, жив ли любимый. Едва она это подумала, рядом послышался мужской голос, сообщивший, что хоронят Берлиоза Михаила Александровича. Голос принадлежал рыжему, маленькому и широкоплечему человеку с котелком на голове. Он же сообщил о невероятном происшествии: у покойного кто-то зачем-то украл голову. Этот рыжий приглашает девушку в гости к влиятельному иностранцу и сообщает, что Мастер жив. Нехотя, но в надежде что-то узнать о любимом, Маргарита соглашается.

Азazelло (так зовут этого рыжего) вручает Маргарите круглую коробочку с мазью и велит ей намазать лицо и тело, а позже он ей позвонит и скажет что делать далее. Она понимает, что ввязывается в темную историю, но другого выхода у нее нет.

Глава 20. Крем Азazelло

Ровно в назначенный час Маргарита открыла коробочку и обнаружила там желтоватый жирный крем, пахнувший тиной и лесом. Нанеся его на лицо, она увидела, что мазь обладает сильным омолаживающим эффектом и тридцатилетняя женщина в один миг стала выглядеть как двадцатилетняя. Втирания крема в тело привели не только к его омоложению и укреплению, но и к тому, что оно стало невесомым – она могла парить над ковром. Помимо внешности изменил этот крем и настрой: она испытала сильную радость и свободу, а главное – поняла, что отныне все в ее жизни будет по-другому.

Маргарита написала записку мужу в которой сообщила, что покидает его навсегда, стала ведьмой от горя и страданий и просила ее не искать, а поскорее забыть. Сделав это, тяжкий груз упал с ее души. Она отдала Наташе все свои платья, уверенная, что они ей больше не понадобятся.

По телефону Азazelло велит ей вылетать, полетать над городом и лететь к реке, где ее уже ждут. В этот миг половая щетка сама постучалась в ее дверь, Маргарита накинула на себя только какую-то голубую сорочку, вскочила на щетку и улетела. Потом решила избавиться и от рубашки и в обнаженном виде продолжила путь, понимая, что больше никогда не вернется в этот дом.

Глава 21. Полет

Маргарита стала натуральной ведьмой. Наслаждалась своей свободой, невидимостью и независимостью. Навестила квартиру Латунского и ему очень повезло, что как раз в тот вечер было собрание литераторов и его не было дома. Поскольку ведьма разгромила его квартиру, тяжелым молотком выбила все стекла в доме, напакостила в самой квартире, устроила потом – словом, дала волю всей своей ярости.

Потом просто летела и наслаждалась полетом и свободой. Неожиданно ее догнала на жирном борове домработница Наташа, которая тоже добралась до крема Азazelло.

Маргарита в своем путешествии встретила множество волшебного: встретилась с другими ведьмами, посмотрела на танец русалок и ее называли королевой Марго. Наконец, нарезвившись в волю, она отправилась в сопровождении новых знакомых в Москву.

Глава 22. При свечах

Маргарита уже догадывалась к кому в гости ее везут, но если это было необходимо для возвращения ее счастья, то она была готова. Ее высадили на пустынном кладбище под Москвой и там она встретила Азazelло, который ее доставил в квартиру № 50 по улице Садовой и привел в переднюю. Далее ее встретил Коровьев и они присели на мягкий низенький диванчик в огромном зале с колоннами. Он предложил ей стать хозяйкой бала и она согласилась. Сообщил, что девушка сама королевской крови, поскольку является потомком французской королевы Марго.

Они пришли в маленькую комнатку, где находились Азazelло, кот Бегемот, нагая ведьма Гелла и Воланд. Страх сковывал душу девушки, но ей все кланялись, называя королевой. Так же ее назвал и Воланд своим невероятно низким голосом. Они наблюдали игру в шахматы и вскоре Маргарита перестала бояться сатану, а она ему очень понравилась.

Глава 23. Великий бал у сатаны

Королеву Марго начали приводить в порядок перед балом, используя разнообразные волшебные мази, растирания, надели на голову бриллиантовый венец, а на шею – овальное изображение черного пуделя на толстой цепи. Коровьев напутствовал Маргариту быть вежливой со всеми гостями и уделить внимание каждому, даже если он и не нравится ей.

Они оказались в роскошных залах, которые сменяли друг друга по ходу их движения, все вокруг было шикарным, блестящим, невероятным. Коровьев постоянно инструктировал Маргариту. Начали прибывать гости, которые целовали правое колено и руку королевы в знак приветствия. Мужчины были во фраках, а женщины – голыми, но с перьями в волосах и в туфлях. Когда все гости, которых были несметные полчища наконец прошли, нога и рука Маргариты, которые целовали, распухли и ужасно болели. Но служанки привели ее в чувства и они полетели по всем пышным залам, где веселились гости.

Коровьев и кот Бегемот не оставляли ее ни на минуту. Ближе к концу вечера появился Воланд в сопровождении Азazelло, но одет он был так же, как его впервые встретила королева: грязная сорочка, домашние расхоженные тапочки. На блюде ему вынесли голову Берлиоза и он снова спросил у того, верит ли он, что голова после отсечения от тела – мертва и все превращается в прах. Толпы танцующих были тому опровержением. Но каждому воздается по вере его.

Глава 24. Извлечение Мастера

В комнате Воланда обстановка та же самая, что была и до бала. Азazelло, Коровьев и кот Бегемот сняли свои фраки и переоделись в более удобную одежду, они просто отдыхали, Гелла накрывала ужин. И сатана объяснил Маргарите, что ночь полнолуния – праздничная, поэтому он ужинает со всей своей свитой, слугами и приближенными.

Когда веселый ужин подошел к концу, Маргарита засобиравалась домой, хотя и понимала, что идти ей некуда, а возвращаться в тот особняк ей совершенно не хотелось. Тогда она сама предложила Воланду остаться у него и выполнять, все, что ему будет угодно, быть полезной ему.

Сатана похвалил гордость девушки и сам предложил выполнить любое ее пожелание. Маргарита попросила лишить страданий Фриду – женщину убившую платком своего новорожденного ребенка, поскольку ей нечем было его кормить. Воланд удивился этому желанию, акту сострадания, но выполнил его. Но предложил девушке выбрать что-то для себя лично и Маргарита без раздумий потребовала сейчас же вернуть ей ее любовника Мастера. Через минуту Мастер действительно оказался в комнате, но вел себя рассеянно, был напуган, думал, что все ему мерещится. На его возражение о том, что ничего вернуть нельзя и сделать все как раньше не получится, прямо с потолка комнаты свалился Алоизий Магарыч, который в свое время нажаловался на Мастера и занял его комнаты. Его выгнали оттуда, чтобы Мастер мог вернуться в свое жилье. Также уничтожили все бумаги о пребывании последнего в психиатрической клинике, а взамен ему и Маргарите выдали новые документы. Наташа упросила оставить ее в ведьмах, она не захотела возвращаться домой. Николая Ивановича уже в человеческом облике с позором выгнали обратно домой, выдав ему справку о том, что отсутствовал по причине нахождения на балу у сатаны в виде бора.

Едва пропал Николай Иванович, на его месте оказался Варенуха, умоляя исключить его из числа вампиров и отпустить с миром домой, что и было сделано. Воланд пожелал остаться наедине с Мастером и Маргаритой. Он еще раз уточнил, действительно ли человек, написавший роман о Понтии Пилате, хочет вернуться жить в подвал и нищенствовать. Но мастер совершенно сломлен и уже ничего другого больше не хочет. Тогда Воланд предсказывает, что роман еще удивит его автора, но ничего плохого больше не произойдет. На прощание дарит паре золотую подкову, усыпанную бриллиантами.

Когда свита Воланда провожала пару, откуда ни возьмись появилась та самая Аннушка, которая разлила масло для несчастного Берлиоза. Это была сухонькая, странная женщина и ее называли чумой, поскольку всегда как только она где-то появлялась, начинался скандал и брань. Она жила в том же доме в 48-й квартире. Ей не спалось и она увидела всю странную процессию провожающих. Внезапно она услышала, как что-то не громко упало на пол. Оказалось, что это та подкова, которую подарил Воланд и Маргарита ее случайно уронила. Жадная старушка уже планировала ее распилить и по одному камушку сбить, но тут появился Азazelло и отобрал вещь обратно.

А Маргарита вскоре действительно вместе с мастером оказалась в их скромном жилище и все было по-прежнему, как-будто и не было всех этих приключений с ними.

Глава 25. Как прокуратор пытался спасти Иуду

Тем временем, в Ершалаиме продолжает бушевать небывалая гроза. Ужасная туча поглотила город четырнадцатого числа весеннего месяца нисана. Постепенно она превратилась в настоящий ураган, крушащий все на своем пути, с сильнейшими ударами грома и вспышками молний, с реками дождя и града.

Пока город прятался от непогоды, под колоннами на небольшом ложе возлежал прокуратор. Он ел, пил и упивался природным буйством. Также он ожидал встречи с кем-то, постоянно всматриваясь в сад. Ураган начал стихать, гроза почти закончилась. Наконец, пришел таинственный гость, которого Понтий Пилат встретил очень тепло. Они поели, выпили вина и последний заверил прокуратора, что теперь в городе все спокойно, часть армии можно выслать оттуда за ненадобностью, а сам Понтий может покинуть ненавистный ему Ершалаим. Гость оказался заведующим тайной службы при прокураторе Иудеи. Ему же было поручено тайно похоронить тела казненных преступников так, чтобы никто не знал где их могилы. Особенно его интересовали подробности гибели Га-Ноцри (Иешуа) и он опасался, что у того могли быть последователи, единомышленники. Поэтому было решено как можно скорее избавиться от тела. Также игемон сообщает Афранию (так зовут заведующего) о том, что на Иуду из Кириафа, который выдал Га-Ноцри правосудию за деньги, готовится покушение и просит охранять его.

Глава 26. Погребение

Понтий Пилат остался наедине и переживания вперемежку со страхом и ощущением того, что он что-то сделал ужасно не правильно, терзали его душу. Тогда он позвал единственное существо, которое искренне любил и которое отвечало ему взаимностью – огромного пса Банга.

Начальник тайной службы же, занялся поручением игемона. Он попросил девушку Низу, к которой часто приходил Иуда, хотя та и была замужем, отвести его с собой за город. Они условились с Иудой встретиться в гроте, но прийти туда разными путями, чтобы их не видели вместе. Влюбленный юноша со всех ног пообедал в условленное место, на там вместо возлюбленной Низы встретил двух убийц, которые отобрали его кошель с деньгами за предательство и убили его самого. Третий убийца руководил первыми двумя и велел им скрыться, а сам склонился над телом Иуды.

Понтий Пилат улегся спать прямо на балконе и ему приснился странный сон, в котором Га-Ноцри был жив, здоров и они о чем-то спорили. Но даже во сне игемон понимал, что ни за что не обречет на казнь такого замечательного философа и врача. Он убедил себя, что казни вовсе не было.

Афраний является у прокуратору с сообщением, что Иуду спасти не удалось. А всех троих казненных преступников похоронили. Левий Матвей прятал тело Иешуа и тоже присутствовал при захоронении. Понтий Пилат захотел с ним поговорить. Попросил посмотреть хартию, которую при жизни написал Иешуа, но почти ничего не понял. Предложил Левию Матвею работать на него в Кесарии, разбирать его библиотеку, но тот отказался. Заявил, что считает теперь делом своей жизни убить Иуду, но игемон сказал ему, что Иуда уже убит и сделал это сам Понтий Пилат.

Глава 27. Конец квартиры № 50

Утро застаёт Маргариту за чтением романа мастера о Понтии Пилате. Она читала всю ночь и теперь уставшая легла спать.

Но не до сна целому этажу в одном из московских учреждений – они расследуют дело Воланда. Постепенно следствие пришло к выводу о том, что причина безобразий, постигших варьете, проживает именно в квартире № 50 на улице Садовой, однако ни один из обысков этой злополучной квартиры, результатов не дал. Черного мага также разыскать не удалось. Зато, нашелся Римский – он прятался в платяном шкафу гостиницы «Астория» в Ленинграде, был очень напуган, ничего внятно сказать не мог, просил только хорошенько его охранять. К вечеру пятницы обнаружился и след Лиходеева – он был в Ялте и теперь отправился Москву. Совсем никак не могли найти только Варенуху. Самым скандальным было загадочное исчезновение головы бедного Берлиоза прямо из гроба.

В клинике профессора Стравинского нашлись Никанор Иванович Босой – управляющий жилищным хозяйством, конферансье и поэт Иван Николаевич Бездомный. Последний совершенно изменил свое поведение и уже не желал ни о чем говорить со следствием, не стремился никого остановить.

Между тем, квартира № 50 совершенно выводила из себя следователей: там периодически кто-то отвечал на телефон, открывал окна, слушал патефон, но обнаружить никого ни разу не удалось. К утру субботы нашли Варенуху. Следователи опросили всех, кого смогли найти, но толку с этого было мало. И вот, в субботу треклятая квартира снова «оживла». Туда немедленно выехали следователи в штатском. На этот раз им удалось найти остатки завтрака и огромного черного кота с примусом. Говорящего кота. Его пытались поймать, даже ранили. Но добыть его так и не смогли. Между тем, мессире было пора покидать Москву – близился вечер субботы и кот исчез из поля зрения следователей, которые пытались его поймать. А уходя, он плеснул в квартиру бензина и поджег. Начался сильный пожар и с улицы можно было рассмотреть темные силуэты удаляющихся трех мужчин и обнаженной женщины.

Глава 28. Последние похождения Коровьева и Бегемота

В это время на Смоленском рынке около торгсина показались отгромный черный кот и гражданин в клетчатом. После некоторого сопротивления, их все же запустили в магазин. Внутри все было замечательно устроено и очень понравилось Коровьеву и Бегемоту. Последний нагло взял мандарин и спорол его вместе с кожурой. Продавщица была в ужасе и пока она звала на помощь, кот поживился шоколадкой и селедкой. Коровьев все это время пытался объяснить, что валюты у бедных честных людей быть не может. Завязалась потасовка, все смешалось, кто-то позвал милицию. Тогда Бегемот из своего примуса снова плеснул в магазин бензина и он сам по себе загорелся. Люди кинулись в рассыпную.

Через минуту Коровьев и Бегемот были на бульваре напротив писательского дома, ранее принадлежавшего, по слухам, тетке Грибоедова. Они решили посетить знаменитый ресторан, но их не пускали туда без удостоверения. Шеф ресторана – Арчибальд Арчибальдович распорядился их пропустить, поскольку слушал сплетни, гуляющие по Москве в отношении клетчатого и кота. Увидев их, сразу узнал и решил не ссориться.

Гости заказали шикарный обед, но продлился он не долго в связи с тем, что в ресторане появились люди с пистолетами, намереваясь застрелить Коровьева и Бегемота. Последние сразу растаяли в воздухе, а из примуса снова хлынул бензин, и снова начался пожар, охватив не только ресторан, но и весь литературный дом.

Глава 29. Судьба Мастера и Маргариты определена

Пока Воланд и Азazelло любовались Москвой и заревом от пожара, устроенного Коровьевым и Бегемотом, внезапно появляется Левий Матвей с сообщением от Иешуа о том, чтобы сатана забрал мастера и Маргариту с собой, даруя им покой. Света они не заслужили, только покой. Воланд отправил Азazelло разобраться с этим.

Парочка Коровьев и Бегемот явились отчитаться о своих приключениях. Но в их услугах сейчас сатана не нуждался и отправил их отдыхать. Над городом повисла огромная черная туча, все стемнело, посвежело и разразилась последняя гроза, которая должна была довершить все начатое и после этого Воланд со свитой собирались в путь.

Глава 30. Пора! Пора!

Мастер и Маргарита проспали до субботнего заката и проснувшись нашли накрытый всякой едой стол. Одеты они были так же, как раньше – на Маргарите черный плащ на голое тело, а на мастере – больничный халат. Молодая пара размышляла о том как жить дальше. В это время их навестил Азazelло с поручением от Воланда – приглашением на прогулку. И с подарком от него же – тем самым вином, которое пил прокуратор.

Едва пригубив вина, оба погибают. Азazelло отправляется в особняк, где живет Маргарита Николаевна и убеждается, что та тоже мертва. Потом он наливает по несколько капель того же вина, что их отравило, в рот мастера и Маргариты и те оживают. Азazelло говорит, что пора в путь. В их прежнем жилище в подвале бушует пожар, а Мастер и Маргарита уже унеслись на черных, горячих конях.

Для того, чтобы попрощаться с поэтом Иваном мастер со своей подругой отправляются в клинику Стравинского, пока Азazelло ждет их снаружи. Теперь Ивану предстоит написать продолжение романа мастера. Маргарита целует его в лоб и говорит, что у того тоже все наладится и будет хорошо. Они растворяются в воздухе и улетают.

Входит фельдчица Прасковья Федоровна и сообщает, что сосед Иванушки скончался, но тот совершенно не удивлен. Он знает об этом.

Глава 31. На Воробьевых горах

На трех черных конях всадники: Воланд, Коровьев и Бегемот дождались Азазелло с мастером и Маргаритой. Сатана просит пару не гневаться на него и предлагает мастеру навсегда попрощаться с городом. Пока он прощается с Москвой, Бегемот и Коровьев свистят, чтобы поразвлечься.

Наконец, когда с прощанием было покончено, все вместе взмыли и улетели куда-то очень высоко и очень далеко.

Глава 32. Прощение и вечный приют

По мере того, как вся компания удалялась от земли, менялся их облик. Коровьев стал темно-фиолетовым мрачным рыцарем, Бегемот – худеньким юношей демоном-пажем, Азазелло – демоном безводной пустыни, демоном-убийцей, волосы мастера побелели и были сплетены в косу, а на ногах сверкали шпоры. Сам Воланд тоже принял свое настоящее обличье: его конь казался глыбой мрака, туча – гривой коня, а шпоры – звездами.

Так они летели, пока не оказались над серыми валунами, в которые не проникал даже свет луны. Воланд спешил с коня и то же самое сделали его спутники. Дальше они пошли пешком. Через какое-то время Маргарита увидела белую фигуру человека, сидящего в кресле, но он был слеп и глух. Рядом с этим человеком была огромная собака, которая тоже невидящими глазами смотрела на луну. Воланд говорит мастеру, что перед ним герой его романа, но роман, к сожалению, не закончен. Вот уже почти две тысячи лет так и сидит этот человек на своем кресле и спит, но в полнолуние его мучает бессонница.

Маргарита начала кричать, чтобы Воланд отпустил этого человека, но тот лишь засмеялся. Мастеру было позволено закончить роман только одной фразой, сказав которую, горы вокруг этого человека рухнули и появилась та самая лунная дорожка, по которой все мечтал пройти человек.

Воланд указал на тропинку для мастера и Маргариты и распрощался с ними. Они прошли каменистый мостик и увидели красивый дом впереди, вечное жилище мастера и Маргариты. Они знали, что теперь им уготовано простое тихое счастье.

Эпилог

Между тем, по Москве поползли слухи один другого нелепее. В конце концов, решили, что все эти безобразные фокусы проделывала компания профессиональных гипнотизеров. Сам Воланд просто исчез вместе со всеми своими друзьями. Говорили, что он бежал за границу, но и там никак не проявлял себя.

Следствие шло очень долго, но результатов никаких, разумеется, не дало. Из-за мнительности людей было истреблено около ста черных котов. Арестованы граждане с фамилиями, похожими на «Воланд», нашлись даже Коровкины и Караваевы – словом, посещение Воландом Москвы вызвало сильнейший общественный резонанс.

Конферансье так и не вернулся на работу в варьете. Варенуха стал чрезвычайно вежлив и услужлив. Лиходеева перевели в другой город заведовать магазином. Римский уволился из варьете и стал работать в театре детских кукол в Замоскворечье. Никанор Иванович Босой возненавидел театр и все, что с ним так или иначе связано. Алоизий Могарыч стал финдиректором варьете, вместо Римского.

Каждый год во время весеннего полнолуния на Патриарших прудах появляется зеленоглазый рыжеватый человек, лет тридцати с небольшим – профессор Иван Николаевич Поньрев. Он знает, что в молодости подвергся пагубному влиянию шайки гипнотизеров, но с тех пор вылечился. Только каждое полнолуние неудержимо его влечет на Патриаршие пруды. Не известно профессору и почему его так сильно влечет к себе старинный особняк. Во дворе этого особняка всегда один и тот-же хорошо одетый, но странный старик, который разговаривает с воздухом и сожалеет, что тогда вернулся обратно, что струсил.

Самого Ивана жестоко мучают видения о странном человеке с собакой, казнью, древним городом, лунной дорожкой, Понтием Пилатом. Он ничего не понимает и ничего не может вспомнить. После полнолуния его жизнь вновь приходит в норму.

Собачье сердце

Раздается жалобный вой собаки и ее горькие размышления о том, как жестоки люди. Этому псу повар кипятком обварил левый бок и болит рана ужасно, а еще, хочется есть и не понятно как быть дальше, поэтому он постоянно скулит от боли и от отчаяния. Чтобы отвлечь себя, рассуждает о жизни машинисток, которые всю жизнь ходят в подаренных тонких чулках и тоже мучаются по многим причинам.

Через улицу появляется хорошо одетый господин в добротном пальто, от него пахнет сигарами и больницей, зовут его Филипп Филиппович. Он направился прямо в подворотню, купил колбасы и угостил ей погибающее животное. Убедился, что на псе нет ошейника и удовлетворенно поманил за собой – именно его господин и искал. Поманил его за собой и провел прямо в дом, мимо швейцара Федора.

В квартире их встретила молодая красивая женщина Зина в чистом, белом переднике. Помогла раздеться господину. Пса было решено сейчас же отправить в смотровую. Но там он решил, что попал в собачью лечебницу и оказал сопротивление насколько это было возможно. Разбил несколько дверей, шкафов и банок, но в итоге его все же скрутили и он думал, что теперь точно погибнет.

Но он не погиб. Ему позволили присутствовать на приеме пациентов профессора Преображенского. Видел он и четверых странных людей из управления дома, которые претендовали на комнаты в квартире профессора. Люди, под предводительством Швондера настаивали, что следует уплотнить жилплощадь и семь комнат – это непозволительная роскошь даже для профессора медицины.

После невероятно шикарного обеда в компании доктора Борменталья, Преображенский лениво рассуждает о тяготах современной жизни. Дескать и то не так, и это не эдак. Сытая и довольная жизнь пса продолжалась до того самого дня, когда внезапно все перевернулось с ног на голову.

Шарик с утра чувствовал неладное. Явился доктор Борменталь с дурно пахнущим чемоданом. Все засуетились. Самого пса отправили на операционный стол. Затем ему сделали эту операцию, понимая, что тот скорее всего не выживет.

Далее представлен дневник доктора Борменталья, из которого следует подробное описание состояния Шарика, его операции и ежедневный отчет о состоянии здоровья пса. Постепенно тот начал оживать, появился аппетит, он начал пытаться произнести слова. Потом – ходить на задних лапах, как человек и ругаться/материться тоже как человек. Шарик теперь говорил много слов, отчаянно ругался, а по городу поползли слухи. Сам Преображенский занемог. У бывшей собаки вытянулись задние конечности, а доктор осознал, что пересадка гипофиза ведет не к омоложению организма, а к его очеловечиванию.

Тем временем по Москве слухи разлетались быстро, обрастая новыми невероятными подробностями. Шарик вел себя скверно: ругался, кидал объедки на пол, хамил, начал курить и пр.

Когда Преображенский сделал ему замечание по поводу поведения и внешнего вида, Шарик обвинил его (и совершенно правильно обвинил!) в том, что не просил ни о какой операции, никакого морального права врач не имел ставить свои опыты на живых созданиях. Также он начал требовать документ, удостоверяющий личность для себя на имя Полиграф Полиграфович Шариков, а также, прописку в квартире профессора, по совету Швондера.

Отношения Преображенского и Шарика были безобразными и постоянно ухудшались. Бывший пес в человеческом обличье показал свои самые дурные стороны, привычки, склонности и характер. Когда однажды в дом профессора забежал кот, Шарик за ним погнался, в итоге разгромив всю квартиру и устроив потоп.

Взаимоотношения продолжали ухудшаться, Шарик повадился много пить и воровать вещи, заявил о своем праве на долю в квартире профессора.

Однажды он просто пропал и не показывался дома три дня. Потом нагло заявился и сообщил, что теперь занимает должность старшего по очистке улиц города от котов. Еще через некоторое время привел в дом девицу и заявил, что расписывается с ней, поэтому она будет жить с ним. Преображенский уговорил девушку бежать от этого вруна, что та и сделала. Последней каплей в чашу терпения профессора стало то, что он узнал о жалобе Шарикова на себя, Борменталья, Зину и вообще всех, живущих в квартире.

Оскорбленный профессор выгнал Шарикова из квартиры, но тот наотрез отказался, стал сопротивляться, завязалась потасовка и участь этого недотепы была решена.

Через десять дней после скандала в доме, явилась уголовная милиция с обвинением в убийстве Полиграфа Полиграфовича Шарикова, но профессор Преображенский, который к этому моменту совершенно поправился, возразил, что гражданина Шарикова никто не убивал, выпустив из соседней двери живую собаку Шарика. На всеобщее недоумение ответил, что наука не знает как превращать животных в людей и наоборот, он просто попробовал, но не удачно и природа все равно взяла свое.

Слухи о невероятном происшествии еще долго бороздили Москву, в дом к профессору Преображенскому пытались разными путями пробраться любопытные для того, чтобы посмотреть на «говорящую» собачку. Представители жилищного хозяйства во главе со Швондером, более не беспокоили профессора.

Роковые яйца

16 апреля 1928 года, вечером, профессор зоологии IV государственного университета и директор зооинститута в Москве Персиков вошел в свой кабинет, помещающийся в зооинституте, что на улице Герцена. Профессор зажег верхний матовый шар и огляделся.

Начало ужасающей катастрофы нужно считать заложенным именно в этот злосчастный вечер, равно как первопричиной этой катастрофы следует считать именно профессора Владимира Ипатьевича Персикова.

Ему было ровно 58 лет. Голова замечательная, толкачом, лысая, с пучками желтоватых волос, торчащими по бокам. Лицо гладко выбритое, нижняя губа выпячена вперед. От этого персиковское лицо вечно носило на себе несколько капризный отпечаток. На красном носу старомодные маленькие очки в серебряной оправе, глазки блестящие, небольшие, росту высокого, сутуловат. Говорил скрипучим, тонким, квакающим голосом и среди других странностей имел такую: когда говорил что-либо веско и уверенно, указательный палец правой руки превращал в крючок и щурил глазки. А так как он говорил всегда уверенно, ибо эрудиция в его области у него была совершенно феноменальная, то крючок очень часто появлялся перед глазами собеседников профессора Персикова. А вне своей области, т. е. зоологии, эмбриологии, анатомии, ботаники и географии, профессор Персиков почти никогда не говорил.

Газет профессор Персиков не читал, в театр не ходил, а жена профессора сбежала от него с тенором оперы Зимина в 1913 году, оставив ему записку такого содержания:

Невыносимую дрожь отвращения возбуждают во мне твои лягушки. Я всю жизнь буду несчастна из-за них.

Профессор больше не женился и детей не имел. Был очень вспыльчив, но отходчив, любил чай с морошкой, жил на Пречистенке, в квартире из 5 комнат, одну из которых занимала сухонькая старушка, экономка Марья Степановна, ходившая за профессором как нянька.

В 1919 году у профессора отняли из 5 комнат 3. Тогда он заявил Марье Степановне:

– Если они не прекратят эти безобразия, Марья Степановна, я уеду за границу.

Нет сомнения, что если бы профессор осуществил этот план, ему очень легко удалось бы устроиться при кафедре зоологии в любом университете мира, ибо ученый он был совершенно первоклассный, а в той области, которая так или иначе касается земноводных или голых гадов, и равных себе не имел за исключением профессоров Уильяма Веккля в Кембридже и Джиакомо Бартоломео Беккари в Риме. Читал профессор на 4 языках, кроме русского, а по-французски и немецки говорил как по-русски. Намерения своего относительно заграницы Персиков не выполнил, и 20-й год вышел еще хуже 19-го. Произошли события, и притом одно за другим. Большую Никитскую переименовали в улицу Герцена. Затем часы, врезанные в стену дома на углу Герцена и Моховой, остановились на 11 с 1/4, и, наконец, в террариях зоологического института, не вынеся всех пертурбаций знаменитого года, издохли первоначально 8 великолепных экземпляров квакшей, затем 15 обыкновенных жаб и, наконец, исключительнейший экземпляр жабы Суринамской.

Непосредственно вслед за жабами, опустошившими тот первый отряд голых гадов, который по справедливости назван классом гадов бесхвостых, переселился в лучший мир бессменный сторож института старик Влас, не входящий в класс голых гадов. Причина смерти его, впрочем, была та же, что и у бедных гадов, и ее Персиков определил сразу:

– Бескормица!

Ученый был совершенно прав: Власа нужно было кормить мукой, а жаб мучными червями, но поскольку пропала первая, постольку исчезли и вторые. Персиков оставшиеся 20

экземпляров квакш попробовал перевести на питание тараканами, но и тараканы куда-то провалились, показав свое злостное отношение к военному коммунизму. Таким образом, и последние экземпляры пришлось выкинуть в выгребные ямы на дворе института.

Действие смертей и в особенности Суринамской жабы на Персикова не поддается описанию. В смертях он целиком почему-то обвинил тогдашнего наркома просвещения.

Стоя в шапке и калошах в коридоре выставяющего института, Персиков говорил своему ассистенту Иванову, изящнейшему джентльмену с острой белокурой бородкой:

– Ведь за это же его, Петр Степанович, убить мало! Что же они делают? Ведь они ж погубят институт! А? Бесподобный самец, исключительный экземпляр Пипа американца, длиной в 13 сантиметров...

Дальше пошло хуже. По смерти Власа окна в институте промерзли насквозь, так что цветистый лед сидел на внутренней поверхности стекол. Издохли кролики, лисицы, волки, рыбы и все до единого ужи. Персиков стал молчать целыми днями, потом заболел воспалением легких, но не умер. Когда оправился, приходил два раза в неделю в институт и в круглом зале, где было всегда, почему-то не изменяясь, 5 градусов мороза, независимо от того, сколько на улице, читал в калошах, в шапке с наушниками и в кашне, выдыхая белый пар, 8 слушателям цикл лекций на тему «Пресмыкающиеся жаркого пояса». Все остальное время Персиков лежал у себя на Пречистенке на диване, в комнате, до потолка набитой книгами, под пледом, кашлял и смотрел в пасть огненной печурке, которую золочеными стульями топила Марья Степановна, вспоминал Суринамскую жабу.

Но все на свете кончается. Кончился 20-й и 21-й год, а в 22-м началось какое-то обратное движение. Во-первых: на месте покойного Власа появился Панкрат, еще молодой, но подающий большие надежды зоологический сторож, институт стали топить понемногу. А летом Персиков, при помощи Панкрата, на Клязьме поймал 14 штук вульгарных жаб. В террариях вновь закипела жизнь... В 23-м году Персиков уже читал 8 раз в неделю – 3 в институте и 5 в университете, в 24-м году 13 раз в неделю и, кроме того, на рабфаках, а в 25-м, весной, прославился тем, что на экзаменах срезал 76 человек студентов и всех на голых гадах:

– Как, вы не знаете, чем отличаются голые гады от пресмыкающихся? – спрашивал Персиков. – Это просто смешно, молодой человек. Тазовых почек нет у голых гадов. Они отсутствуют. Так-то-с. Стыдитесь. Вы, вероятно, марксист?

– Марксист, – угасая, отвечал зарезанный.

– Так вот, пожалуйста, осенью, – вежливо говорил Персиков и бодро кричал Панкрату: – Давай следующего!

Подобно тому, как амфибии оживают после долгой засухи при первом обильном дожде, ожил профессор Персиков в 1926 году, когда соединенная американо-русская компания выстроила, начав с угла Газетного переулка и Тверской, в центре Москвы, 15 пятнадцатизэтажных домов, а на окраинах – 300 рабочих коттеджей, каждый на 8 квартир, раз и навсегда прикончив тот страшный и смешной жилищный кризис, который так терзал москвичей в годы 1919-1925.

Вообще это было замечательное лето в жизни Персикова, и порою он с тихим и довольным хихиканьем потирал руки, вспоминая, как он жался с Марьей Степановной в 2 комнатах. Теперь профессор все 5 получил обратно, расширился, расположил две с половиной тысячи книг, чучела, диаграммы, препараты, зажег на столе зеленую лампу в кабинете.

Институт тоже узнать было нельзя: его покрыли кремовой краской, провели по специальному водопроводу воду в комнату гадов, сменили все стекла на зеркальные, прислали 5 новых микроскопов, стеклянные препарационные столы, шары по 2000 ламп с отраженным светом, рефлекторы, шкапы в музей.

Персиков ожил, и весь мир неожиданно узнал об этом, лишь только в декабре 1926 года вышла в свет брошюра: «Еще к вопросу о размножении бляшконосых или хитонов», 126 стр., «Известия IV Университета».

А в 1927-м, осенью, капитальный труд в 350 страниц, переведенный на 6 языков, в том числе и японский: «Эмбриология пип, чесночниц и лягушек». Цена 3 руб. Госиздат.

А летом 1928 года произошло то невероятное, ужасное...

Глава 2. Цветной завиток

Итак, профессор зажег шар и огляделся. Зажег рефлектор на длинном экспериментальном столе, надел белый халат, позвенел какими-то инструментами на столе...

Многие из 30 тысяч механических экипажей, бегавших в 28-м году по Москве, проскакивали по улице Герцена, шурша по гладким торцам, и через каждую минуту с гулом и скрежетом скатывался с Герцена к Моховой трамвай 16, 22, 48 или 53-го маршрута. Отблески разноцветных огней забрасывал в зеркальные стекла кабинета, и далеко и высоко был виден рядом с темной и грузной шапкой храма Христа туманный, бледный месячный серп.

Но ни он, ни гул весенней Москвы нисколько не занимали профессора Персикова. Он сидел на винтящемся трехногом табурете и побуревшими от табаку пальцами вертел кремальеру великолепного цейсовского микроскопа, в который был заложен обыкновенный неокрашенный препарат свежих амеб. В тот момент, когда Персиков менял увеличение с 5 на 10 тысяч, дверь приоткрылась, показалась остренькая борода, кожаный нагрудник, и ассистент позвал:

– Владимир Ипатьевич, я установил брыжжейку, не хотите ли взглянуть?

Персиков живо сполз с табурета, бросил кремальеру на полдороге и, медленно вертя в руках папиросу, прошел в кабинет ассистента. Там, на стеклянном столе, полузадушенная и обмершая от страха и боли лягушка была распята на пробковом штативе, а ее прозрачные слюдяные внутренности вытянуты из окровавленного живота в микроскоп.

– Очень хорошо, – сказал Персиков и припал глазом к окуляру микроскопа.

Очевидно, что-то очень интересное можно было рассмотреть в брыжжейке лягушки, где, как на ладони видные, по рекам сосудов бойко бежали живые кровяные шарики. Персиков забыл о своих амебах и в течение полутора часов по очереди с Ивановым припадал к стеклу микроскопа. При этом оба ученых перебрасывались оживленными, но непонятными простым смертным словами.

Наконец Персиков отвалился от микроскопа, заявив:

– Сворачивается кровь, ничего не поделаешь.

Лягушка тяжело шевельнула головой, и в ее потухающих глазах были явственны слова: «сволочи вы, вот что...»

Разминая затекшие ноги, Персиков поднялся, вернулся в свой кабинет, зевнул, потер пальцами вечно воспаленные веки и, присев на табурет, заглянул в микроскоп, пальцы он наложил на кремальеру и уже собирался двинуть винт, но не двинул. Правым глазом видел Персиков мутноватый белый диск и в нем смутных белых амеб, а посередине диска сидел цветной завиток, похожий на женский локон. Этот завиток и сам Персиков, и сотни его учеников видели очень много раз и никто не интересовался им, да и незачем было. Цветной пучок света лишь мешал наблюдению и показывал, что препарат не в фокусе. Поэтому его безжалостно стирали одним поворотом винта, освещая поле ровным белым светом. Длинные пальцы зоолога уже вплотную легли на нарезку винта и вдруг дрогнули и слезли. Причиной этого был правый глаз Персикова, он вдруг насторожился, изумился, налился даже тревогой. Не бездарная посредственность на горе республике сидела у микроскопа. Нет, сидел профессор Персиков! Вся жизнь, его помыслы сосредоточились в правом глазу. Минут пять в каменном молчании высшее существо наблюдало низшее, мучая и напрягая глаз над стоящим вне фокуса препаратом. Кругом все молчало. Панкрат заснул уже в своей комнате в вестибюле, и один только раз в отдалении музыкально и нежно прозвенели стекла в шкапах – это Иванов, уходя, запер свой кабинет. За ним простонала входная дверь. Потом уже послышался голос профессора. У кого он спросил – неизвестно.

– Что такое? Ничего не понимаю...

Запоздалый грузовик прошел по улице Герцена, колыхнув старые стены института. Плоская стеклянная чашечка с пинцетами звякнула на столе. Профессор побледнел и занес руку над микроскопом, так, словно мать над дитятей, которому угрожает опасность. Теперь не могло быть и речи о том, чтобы Персиков двинул винт, о нет, он боялся уже, чтобы какая-нибудь посторонняя сила не вытолкнула из поля зрения того, что он увидел.

Было полное белое утро с золотой полосой, перерезавшей кремовое крыльцо института, когда профессор покинул микроскоп и подошел на онемевших ногах к окну. Он дрожащими пальцами нажал кнопку, и черные глухие шторы закрыли утро, и в кабинете ожила мудрая ученая ночь. Желтый и вдохновенный Персиков растопырил ноги и заговорил, уставившись в паркет слезящимися глазами:

– Но как же это так? Ведь это же чудовищно!.. Это чудовищно, господа, – повторил он, обращаясь к жабам в террарии, но жабы спали и ничего ему не ответили.

Он помолчал, потом подошел к выключателю, поднял шторы, потушил все огни и заглянул в микроскоп. Лицо его стало напряженным, он сдвинул кустоватые желтые брови.

– Угу, угу, – пробурчал он, – пропал. Понимаю. По-о-нимаю, – протянул он сумасшедше и вдохновенно, глядя на погасший шар над головой, – это просто.

И он вновь опустил шипящие шторы и вновь зажег шар. Заглянул в микроскоп, радостно и как бы хищно осклабился.

– Я его поймаю, – торжественно и важно сказал он, поднимая палец кверху. – Поймаю. Может быть и от солнца.

Опять шторы взвились. Солнце было налицо. Вот оно залило стены института и косяком легло на торцах Герцена. Профессор смотрел в окно, соображая, где будет солнце днем. Он то отходил, то приближался, легонько пританцовывая, и наконец животом лег на подоконник.

Приступил к важной и таинственной работе. Стеклянным колпаком накрыл микроскоп. На синеватом пламени горелки расплавил кусок сургуча и края колокола припечатал к столу, а на сургучных пятнах оттиснул свой большой палец. Газ потушил, вышел и дверь кабинета запер на английский замок.

Полусвет был в коридорах института. Профессор добрался до комнаты Панкрата и долго и безуспешно стучал в нее. Наконец, за дверью послышалось урчанье как бы цепного пса, харканье и мычанье, и Панкрат в полосатых подштанниках, с завязками на щиколотках предстал в светлом пятне. Глаза его дико уставились на ученого, он еще легонько подвывал со сна.

– Панкрат, – сказал профессор, глядя на него поверх очков, – извини, что я тебя разбудил. Вот что, друг, в мой кабинет завтра утром не ходить. Я там работу оставил, которую сдвигать нельзя. Понял?

– У-у-у, по-по-понял, – ответил Панкрат, ничего не поняв. Он пошатывался и рычал.

– Нет, слушай, ты проснись, Панкрат, – молвил зоолог и легонько потыкал Панкрата в ребра, отчего у того на лице получился испуг и некоторая тень осмысленности в глазах. – Кабинет я запер, – продолжал Персиков, – так убирать его не нужно до моего прихода. Понял?

– Слушаю-с, – прохрипел Панкрат.

– Ну вот и прекрасно, ложись спать.

Панкрат повернулся, исчез в двери и тотчас обрушился в постель, а профессор стал одеваться в вестибюле. Он надел серое летнее пальто и мягкую шляпу, затем, вспомнив про картину в микроскопе, уставился на свои калоши, словно видел их впервые. Затем левую надел и на левую хотел надеть правую, но та не полезла.

– Какая чудовищная случайность, что он меня отозвал, – сказал ученый, – иначе я его так бы и не заметил. Но что это сулит?.. Ведь это сулит черт знает что такое!..

Профессор усмехнулся, прищурился на калоши и левую снял, а правую надел. – Боже мой! Ведь даже нельзя представить себе всех последствий... – Профессор с презрением ткнул левую калошу, которая раздражала его, не желая налезать на правую, и пошел к выходу в одной калоше. Тут же он потерял носовой платок и вышел, хлопнув тяжелой дверью. На крыльце он долго искал в карманах спички, хлопая себя по бокам, нашел и тронулся по улице с незажженной папиросой во рту.

Ни одного человека ученый не встретил до самого храма. Там профессор, задржав голову, приковался к золотому шлему. Солнце сладостно лизало его с одной стороны.

– Как же раньше я не видал его, какая случайность?.. Тыфу, дурак, – профессор наклонился и задумался, глядя на разно обутые ноги, – гм... как же быть? К Панкрату вернуться? Нет, его не разбудишь. Бросить ее, подлую, жалко. Придется в руках нести. – Он снял калошу и брезгливо понес ее.

На старом автомобиле с Пречистенки выехали трое. Двое пьяных и на коленях у них ярко раскрашенная женщина в шелковых шароварах по моде 28-го года.

– Эх, папаша! – крикнула она низким сиповатым голосом. – Что ж ты другую-то калошу пропил!

– Видно, в Альказаре набрался старичок, – завыл левый пьяненький, правый высунулся из автомобиля и прокричал:

– Отец, что, ночная на Волхонке открыта? Мы туда!

Профессор строго посмотрел на них поверх очков, выронил изо рта папиросу и тотчас забыл об их существовании. На Пречистенском бульваре рождалась солнечная прорезь, а шлем Христа начал пылать. Вышло солнце.

Глава 3. Персиков поймал

Дело было вот в чем. Когда профессор приблизил свой гениальный глаз к окуляру, он впервые в жизни обратил внимание на то, что в разноцветном завитке особенно ярко и жирно выделялся один луч. Луч этот был ярко-красного цвета и из завитка выпадал, как маленькое острие, ну, скажем, с иголку, что ли.

Просто уж такое несчастье, что на несколько секунд луч этот приковал наметанный взгляд виртуоза.

В нем, в луче, профессор разглядел то, что было тысячу раз значительнее и важнее самого луча, непрочного дитяти, случайно родившегося при движении зеркала и объектива микроскопа. Благодаря тому, что ассистент отозвал профессора, амебы пролежали полтора часа под действием этого луча и получилось вот что: в то время, как в диске вне луча зернистые амебы валялись вяло и беспомощно, в том месте, где пролегал красный заостренный меч, происходили странные явления. В красной полосочке кипела жизнь. Серенькие амебы, выпуская ложноножки, тянулись изо всех сил в красную полосу и в ней (словно волшебным образом) оживали. Какая-то сила вдохнула в них дух жизни. Они лезли стаей и боролись друг с другом за место в луче. В нем шло бешеное, другого слова не подобрать, размножение. Ломая и опрокидывая все законы, известные Персикову как свои пять пальцев, они почковались на его глазах с молниеносной быстротой. Они разваливались на части в луче, и каждая из частей в течении 2 секунд становилась новым и свежим организмом. Эти организмы в несколько мгновений достигали роста и зрелости лишь затем, чтобы в свою очередь тотчас же дать новое поколение. В красной полосе, а потом и во всем диске стало тесно, и началась неизбежная борьба. Вновь рожденные яростно набрасывались друг на друга и рвали в клочья и глотали. Среди рожденных лежали трупы погибших в борьбе за существование. Побеждали лучшие и сильные. И эти лучшие были ужасны. Во-первых, они объемом приблизительно в два раза превышали обыкновенных амеб, а во-вторых, отличались какой-то особенной злостью и резвостью. Движения их были стремительны, их ложноножки гораздо длиннее нормальных, и работали они ими, без преувеличения, как спруты щупальцами.

Во второй вечер профессор, осунувшийся и побледневший, без пищи, взвинчивая себя лишь толстыми самокрутками, изучал новое поколение амеб, а в третий день он перешел к первоисточнику, то есть к красному лучу.

Газ тихонько шипел в горелке, опять по улице шаркало движение, и профессор, отравленный сотой папиросою, полузакрыв глаза, откинулся на спинку винтового кресла.

– Да, теперь все ясно. Их оживил луч. Это новый, не исследованный никем, никем не обнаруженный луч. Первое, что придется выяснить, это – получается ли он только от электричества или также и от солнца, – бормотал Персиков самому себе.

И в течение еще одной ночи это выяснилось. В три микроскопа Персиков поймал три луча, от солнца ничего не поймал и выразился так:

– Надо полагать, что в спектре солнца его нет... гм... ну, одним словом, надо полагать, что добыть его можно только от электрического света. – Он любовно поглядел на матовый шар вверху, вдохновенно подумал и пригласил к себе в кабинет Иванова. Он все ему рассказал и показал амеб.

Приват-доцент Иванов был поражен, совершенно раздавлен: как же такая простая вещь, как эта тоненькая стрела, не была замечена раньше, черт возьми! Да кем угодно, и хотя бы им, Ивановым, и действительно это чудовищно! Вы только посмотрите...

– Вы посмотрите, Владимир Ипатьевич! – говорил Иванов, в ужасе приликая глазом к окуляру. – Что делается?! Они растут на моих глазах... Гляньте, гляньте...

– Я их наблюдаю уже третий день, – вдохновенно ответил Персиков.

Затем произошел между двумя учеными разговор, смысл которого сводился к следующему: приват-доцент Иванов берется соорудить при помощи линз и зеркал камеру, в которой можно будет получить этот луч в увеличенном виде и вне микроскопа. Иванов надеется, даже совершенно уверен, что это чрезвычайно просто. Луч он получит, Владимир Ипатьевич может в этом не сомневаться. Тут произошла маленькая заминка.

– Я, Петр Степанович, когда опубликую работу, напишу, что камеры сооружены вами, – вставил Персиков, чувствуя, что заминочку надо разрешить.

– О, это не важно... Впрочем, конечно...

И заминочка тотчас разрешилась. С этого времени луч поглотил и Иванова. В то время, как Персиков, худея и истощаясь, просиживал дни и половину ночей за микроскопом, Иванов возился в сверкающем от ламп физическом кабинете, комбинируя линзу и зеркала. Помогал ему механик.

Из Германии, после запроса через комиссариат просвещения, Персикову прислали три посылки, содержащие в себе зеркала, двояковыпуклые, двояковогнутые и даже какие-то выпукло-вогнутые шлифованные стекла. Кончилось все это тем, что Иванов соорудил камеру и в нее действительно уловил красный луч. И надо отдать справедливость, уловил мастерски: луч вышел кривой, жирный, сантиметра 4 в поперечнике, острый и сильный.

1-го июня камеру установили в кабинете Персикова, и он жадно начал опыты с икрой лягушек, освещенной лучом. опыты эти дали потрясающие результаты. В течение двух суток из икринок вылупились тысячи головастика. Но этого мало, в течение одних суток головастики выросли необычайно в лягушек, и до того злых и прожорливых, что половина их тут же была перелопана другой половиной. Зато оставшиеся в живых начали вне всяких сроков метать икру и в 2 дня уже без всякого луча вывели новое поколение, и при этом совершенно бесчисленное. В кабинете ученого началось черт знает что: головастики расплозились из кабинета по всему институту, в террариях и просто на полу, во всех закоулках завывали зычные хоры, как на болоте. Панкрат, и так боявшийся Персикова как огня, теперь испытывал по отношению к нему одно чувство: мертвенный ужас. Через неделю и сам ученый почувствовал, что шалест. Институт наполнился запахом эфира и цианистого калия, которым чуть-чуть не отравился Панкрат, не вовремя снявший маску. Разросшееся поколение, наконец, удалось перебить ядами, кабинеты проветрить.

Иванову Персиков сказал так:

– Вы знаете, Петр Степанович, действие луча на дейтероплазму и вообще на яйцеклетку изумительно.

Иванов, холодный и сдержанный джентльмен, перебил профессора необычным тоном:

– Владимир Ипатьевич, что же вы толкуете о мелких деталях, об дейтероплазме. Будем говорить прямо: вы открыли что-то неслыханное, – видимо, с большой потугой, но все же Иванов выдал из себя слова: – профессор Персиков, вы открыли луч жизни!

Слабая краска показалась на бледных, небритых скулах Персикова.

– Ну-ну-ну, – пробормотал он.

– Вы, – продолжал Иванов, – вы приобретете такое имя... У меня кружится голова. Вы понимаете, – продолжал он страстно, – Владимир Ипатьевич, герои Уэллса по сравнению с вами просто вздор... А я-то думал, что это сказки... Вы помните его «Пищу богов»?

– А, это роман, – ответил Персиков.

– Ну да, господи, известный же!..

– Я забыл его, – ответил Персиков, – помню, читал, но забыл.

– Как же вы не помните, да вы гляньте, – Иванов за ножку поднял со стеклянного стола невероятных размеров мертвую лягушку с распухшим брюхом. На морде ее даже после смерти было злобное выражение, – ведь это же чудовищно!

Глава 4. Попадья Дроздова

Бог знает почему, Иванов ли тут был виноват, или потому, что сенсационные известия передаются сами собой по воздуху, но только в гигантской кипящей Москве вдруг заговорили о луче и о профессоре Персикове. Правда, как-то вскользь и очень туманно. Известие о чудодейственном открытии прыгало, как подстреленная птица, в светящейся столице, то исчезая, то вновь взвиваясь, до половины июля, когда на 20-й странице газеты «Известия» под заголовком «Новости науки и техники» появилась короткая заметка, трактующая о луче. Сказано было глухо, что профессор IV университета изобрел луч, невероятно повышающий жизнедеятельность низших организмов, и что луч этот нуждается в проверке. Фамилия, конечно, была переврана и напечатано: «Певсиков».

Иванов принес газету и показал Персикову заметку.

– «Певсиков», – проворчал Персиков, возясь с камерой в кабинете, – откуда эти свистуны все знают?

Увы, перевранная фамилия не спасла профессора от событий, и они начались на другой же день, сразу нарушив всю жизнь Персикова.

Панкрат, предварительно постучавшись, явился в кабинет и вручил Персикову великолепную атласную визитную карточку.

– Он тамотко, – робко прибавил Панкрат.

На карточке было напечатано изящным шрифтом:

Альфред Аркадьевич Бронский

Сотрудник московских журналов «Красный огонек», «Красный перец», «Красный журнал», «Красный прожектор» и газеты «Красная вечерняя газета»

– Гони его к чертовой матери, – монотонно сказал Персиков и смахнул карточку под стол.

Панкрат повернулся и вышел и через пять минут вернулся со страдальческим лицом и со вторым экземпляром той же карточки.

– Ты что же, смеешься? – проскрипел Персиков и стал страшен.

– Из гепею, они говорят, – бледнея, ответил Панкрат.

Персиков ухватился одной рукой за карточку, чуть не перервал ее пополам, а другой швырнул пинцет на стол. На карточке было написано кудрявым почерком:

Очень прошу и извиняюсь, принять меня, многоуважаемый профессор, на три минуты по общественному делу печати и сотрудник сатирического журнала «Красный ворон», издания ГПУ.

– Позови-ка его сюда, – сказал Персиков и задохнулся.

Из-за спины Панкрата тотчас вынырнул молодой человек с гладковыбритым маслянистым лицом. Поражали вечно поднятые, словно у китайца, брови и под ними ни секунды не глядевшие в глаза собеседнику агатовые глазки. Одет был молодой человек совершенно безукоризненно и модно. В узкий и длинный до колен пиджак, широчайшие штаны колоколом и неестественной ширины лакированные ботинки с носами, похожими на копыта. В руках молодой человек держал трость, шляпу с острым верхом и блокнот.

– Что вам надо? – спросил Персиков таким голосом, что Панкрат мгновенно ушел за дверь. – Ведь вам же сказали, что я занят?

Вместо ответа молодой человек поклонился профессору два раза на левый бок и на правый, а затем его глазки колесом прошлись по всему кабинету, и тотчас молодой человек поставил в блокноте знак.

– Я занят, – сказал профессор, с отвращением глядя в глазки гостя, но никакого эффекта не добился, так как глазки были неуловимы.

– Прошу тысячу раз извинения, глубокоуважаемый профессор, заговорил молодой человек тонким голосом, – что я врываюсь к вам и отнимаю ваше драгоценное время, но известие о вашем мировом открытии, прогремевшее по всему миру, заставляет наш журнал просить у вас каких-либо объяснений.

– Какие такие объяснения по всему миру? – заныл Персигов визгливо и пожелтев. – Я не обязан вам давать объяснения и ничего такого... Я занят... страшно занят.

– Над чем вы работаете? – сладко спросил молодой человек и поставил второй знак в блокноте.

– Да я... вы что? Хотите напечатать что-то?

– Да, – ответил молодой человек и вдруг застрочил в блокноте.

– Во-первых, я не намерен ничего опубликовывать, пока я не кончу работы... тем более в этих ваших газетах... Во-вторых, откуда вы все это знаете?... – И Персигов вдруг почувствовал, что теряется.

– Верно ли известие, что вы изобрели луч новой жизни?

– Какой такой новой жизни? – остервенился профессор, – Что вы мелете чепуху! Луч, над которым я работаю, еще далеко не исследован, и вообще ничего еще не известно! Возможно, что он повышает жизнедеятельность протоплазмы...

– Во сколько раз? – торопливо спросил молодой человек.

Персигов окончательно потерялся... «Ну тип. Ведь это черт знает что такое!»

– Что за обывательские вопросы?... Предположим, я скажу, ну, в тысячу раз!..

В глазках молодого человека мелькнула хищная радость.

– Получаются гигантские организмы?

– Да ничего подобного! Ну, правда, организмы, полученные мною, больше обыкновенных... Ну, имеют некоторые новые свойства... Но ведь тут же главное не величие, а невероятная скорость размножения, – сказал на свое горе Персигов и тут же ужаснулся. Молодой человек исписал целую страницу, перелистнул ее и застрочил дальше.

– Вы же не пишете! – уже сдаваясь и чувствуя, что он в руках молодого человека, в отчаянии просипел Персигов. – Что вы такое пишете?

– Правда ли, что в течении двух суток из икры можно получить 2 миллиона головастиков?

– Из какого количества икры? – вновь взбеленясь, закричал Персигов. – Вы видели когда-нибудь икринку... ну, скажем, – квакши?

– Из полуфунта? – не смущаясь, спросил молодой человек.

Персигов побагровел.

– Кто же так мерит? Тьфу! Что вы такое говорите? Ну, конечно, если взять полфунта лягушачьей икры... тогда пожалуй... черт, ну около этого количества, а, может быть, и гораздо больше!

Бриллианты загорелись в глазах молодого человека, и он в один взмах исчеркал еще одну страницу.

– Правда ли, что это вызовет мировой переворот в животноводстве?

– Что это за газетный вопрос, – завыл Персигов, – и вообще, я не даю вам разрешения писать чепуху. Я вижу по вашему лицу, что вы пишете какую-то мерзость!

– Вашу фотографическую карточку, профессор, убедительнейше прошу, – молвил молодой человек и захлопнул блокнот.

– Что? Мою карточку? Это в ваши журнальчики? Вместе с этой чертовщиной, которую вы там пишете. Нет, нет, нет... И я занят... попрошу вас!..

– Хотя бы старую. И мы вам ее вернем моментально.

– Панкрат! – закричал профессор в бешенстве.

– Честь имею кланяться, – сказал молодой человек и пропал.

Вместо Панкрата послышалось за дверью странное мерное скрипенье машины, кованое постукивание в пол, и в кабинете появился необычайной толщины человек, одетый в блузу и штаны, сшитые из одеяльного драпа. Левая его, механическая, нога щелкала и громыкала, а в руках он держал портфель. Его бритое круглое лицо, налитое желтоватым студнем, являло приветливую улыбку. Он по-военному поклонился профессору и выпрямился, отчего его нога пружинно щелкнула. Персиков онемел.

– Господин профессор, – начал незнакомец приятным сиповатым голосом, – простите простого смертного, нарушившего ваше уединение.

– Вы репортер? – спросил Персиков. – Панкрат!!

– Никак нет, господин профессор, – ответил толстяк, – позвольте представиться – капитан дальнего плавания и сотрудник газеты «Вестник промышленности» при совете народных комиссаров.

– Панкрат!! – истерически закричал Персиков, и тотчас в углу выкинул красный сигнал и мягко прозвенел телефон. – Панкрат! – повторил профессор. – Я слушаю.

– Ферцайен зи битте, герр профессор, – захрипел телефон по-немецки, – дас их штёре. Их бин митарбейтер дес Берлинер тагеблатс [1]...

– Панкрат, – закричал в трубку профессор, – бин моменталь зер бешефтигт унд кан зи десхальб этцт нихт эмфанген [2]! Панкрат!!

А на парадном входе института в это время начались звонки.

– Кошмарное убийство на Бронной улице!! – завывали неестественные сиплые голоса, вертась в гуще огней между колесами и вспышками фонарей на нагретой июньской мостовой, – кошмарное появление болезни кур у вдовы попадьи Дроздовой с ее портретом!.. Кошмарное открытие луча жизни профессора Персикова!!.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.